

Чуваши, их происхождение и верования

Сенковский Осип Иванович (1800-1858), русский писатель, журналист, востоковед, член-корреспондент Петербургской Академии Наук (с 1828 г.). Редактор и издатель журнала «Библиотека для чтения». Один из основателей русского востоковедения; был профессором арабского языка. Собрание его сочинений вышло в свет в 9 томах в 1858-1859 гг.

По поводу сочинения: Записки Александры Фукс о чуваших и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840.

... Я могу поставить в пример письма господина и госпожи Фукс, изданные теперь в Казани под заглавием «Записок о Чуваших и Черемисах». Слово «Записки» употреблено здесь не в том смысле, как вы думаете – отнюдь не в значении «мемуаров», а в коренном русском значении: это настоящие записки или записочки, то есть маленькие послания, письмеца без церемоний, с дружеским «ответом» такой же формы; так сказать – супружеские billets-doux о чуваших и черемисах, совершенно в роде тех, какие обыкновенно пишутся между супругами.

Я вполне одобряю эту форму, и, по прочтении книги, чувствую на опыте все преимущества метода трактовать супружеским образом темный и запутанный вопрос о Чуваших и Черемисах. Такие вопросы, для приведения в надлежащую ясность, требуют всей откровенности в приводимых фактах, всей кротости в разборе, всей полноты обоюдного доверия и согласия в мнениях, всего отсутствия соперничества, зависти и самолюбия; и одна только переписка нежных супругов может соединять в себе столь важные и редкие качества. Многие ученые смертельно перессорились за Чувашей и Черемисов, упрекая друг друга в невежестве и шарлатанстве, и читатели до сих пор не знают, что думать о Чуваших, Черемисах и этих ученых... Прежде я чувствовал к чувашиям и черемисам только холодное любопытство: теперь, по прочтении «Записок» госпожи Фукс, и «Ответов» господина Фукса на ее записки, я люблю их как родных. При чтении многих страниц этой книги, мне страх хотелось самому быть чувашем или черемисом, чтобы объяснить супругам-исследователям разные обстоятельства, которых эти простые люди не умели растолковать им. Давно не читал я книги, сильнее и приятнее увлекающей внимание. Вид дружных усилий этого ученого брака сообщает ей особенный интерес, которого никогда не представляют сочинения, писанные женами и мужьями врознь. В ней есть что-то почтенное, что-то достойное благоговения. Видишь, кажется, супругов Дасие, объясняющих при вечернем поцелуе греческие речения, с усердием и искусством, которые принесли столько пользы классическим наукам; и нельзя припомнить без умиления, что этим счастливым союзом, постоянно благословляемым судьбою и музами, небо наградило ученого иностранца, который в новом своем отечестве, России, положил столько заслуг как врач, профессор, начальник университета, естествоиспытатель, антикварий, этнограф и любитель истории, и благородную русскую даму, которая умела оценить его достоинства, и сама возле него стала известною как поэт и изящная писательница.

Чуваши и черемисы очень справедливо обратили на себя их внимание. Эти два

загадочные поколения давно беспокоят ученых, которые и до сих пор не знают, куда их отнести при классификации народов. Одни принимают их за финнов, другие за отрасль турецкого поколения. Иоанн Аделунг, в «Науке Всеобщего Языкознания», поместил их в двух особенных отделах под иностранными названиями «Туркотатар» и «Разных смешанных племен». Фатер, в «Митридите», не лучше Аделунга объяснил вопрос об их происхождении. Об них писали также Паллас, Георги, Миллер, господина Эдман, Клапрот, Аноров, Леопольдов. Две грамматики чувашского языка, одна даже со словарем, изданы в Петербурге и в Казани. Евангелие, Катехизис и несколько духовных наставлений, напечатаны на том же языке в разные времена. По этим материалам господин фон-дер-Габеленц пытался недавно составить ученую грамматику его и, основываясь на своих открытиях относительно характера языка, причислил чувашей к финнам. Госпожа Фукс еще умножила прежние источники новыми и многочисленными текстами чувашской народной поэзии, несравненно лучшим материалом для подобных соображений, нежели переводы с русского, сделанные русскими для чувашей и которых чувашаи не понимают. И что же. Несмотря на столько пособий, столько исследований нельзя сказать положительно, к какому корню принадлежит этот странный язык. Продолжительное господство татар турецкого племени над приволжскими странами могло прилить к нему множество слов и оборотов, но никак не могло бы оно сообщить ему множества отличительных форм турецкого языка; а эти формы в нем находятся, и между тем язык решительно не турецкий тем более что, с другой стороны, он представляет такое же число коренных слов и форм финских, монгольских, маньчжурских, даже американских, и кроме того своих собственных. Случайности простого смешения не произвели бы столь полной и самостоятельной системы языка...

Госпожа Фукс в своих «Записках» и муж ее в «Ответях» на эти записки, сообщают много любопытных сведений о религии некрещеных чувашей, которые вовсе не идолопоклонники: они признают два начала, доброе и злое; доброго бога называют Тора; с ним легко ужиться, но этот почтенный и кроткий хозяин вселенной имел несчастье «дурно жениться», а именно, на Киремети, или иначе зла, сварливой и бешеной богине, которая обманывает мужа, мучит его, богов и людей. Торы они вовсе не боятся: он такой добрый. Но с его проклятою хозяйкою, настоящим дьяволом, не знают как управиться, и стараются умиловить ее жертвоприношениями. Кроме двух главных, есть множество второстепенных божеств. Каждый их бог происходит от матери без отца... Они придали каждому из них помощника, а к помощникам определили множество посланцев, кебе, которые все ездят в телегах и санях по делам человечества. Между очень замысловатыми изобретениями чувашей по этой части можно поместить обычай их, собравшись на моление, разделять богов между присутствующими, так, чтобы каждый молился одному божеству и весь чувашский Олимп был удовлетворен в одно время. На вопрос – что такое бог – они откровенно признаются в своем совершенном неведении, присовокупляя: «Как можно знать, что Он такое».

В одной деревне путешественница застала большие хлопоты: хозяин с хозяйкой сильно горевали. Госпожа Фукс пожелала знать причину их печали, и узнала, что у чувашей есть обычай отдавать дочерей замуж непременно в чужие деревни. Этот обычай сделался почти догматом их веры и, по крайней мере, их нравственности. Хозяинский сын хотел жениться на девушке из своей деревни, и нежная мать приняла сторону его сердца, но отец никак не соглашался и приходил в отчаяние. «Что же тут грустного, спросила путешественница: чем ближе невеста, тем меньше хлопот». Но отец утверждал, что родителям стыдно выдавать дочерей или женить сыновей в своих деревнях: все могут подумать, будто они любили друг друга до свадьбы. «Да и грешно, очень грешно, прибавил один из стариков, собранных для совещания: как можно жениться на девушке,

которую каждый день видишь». По этому случаю, путешественница описывает праздник «капустку» и чебоксарскую систему избрания невест.

Все болезни, и все несчастья чуваша приписывают злему началу, или Киремети, у которой уже заведен такой порядок, что выздороветь никому не позволено, не дав ей в жертву жеребенка. Приведя избранного жеребенка в место, посвященное этой страшной богине, они подвергают его, для ее потехи, всем возможным терзаниям, описывают вокруг него большой четверугольник, кладут на эту черту сухих дров со всех сторон и зажигают, а сами между тем бегут прочь, с криком – гай-гай-гай – возвращаются, когда жеребенок спалится и умрет. Тогда они вынимают печенку и три ребра с правой стороны, все остальное сжигают в пепел, а печенкой кормят больного, вместо лекарства. Эта чувашская медицинская система производит почти те же действия, как и многие другие методы врачевания. Чуваша, люди крайне глубокомысленные и осторожные, говорят: «Как знать, отчего человек выздоравливает». Но между тем они приводят множество разительных примеров явного и коренного излечения, по этой системе, таких недугов и болезней, против которых даже сама симпатическо-симметрическо-антагонистическо-прагматическая метода оказывается недействительной.

Этот мудрый народ, столь близкий к природе, видит все вещи с положительной точки зрения и судит о достоинстве начал по их результатам. Наблюдая со вниманием их нравы, любезная путешественница заключает, что природа производит больше людей добрых нежели злых: право, стоит путешествовать к чувашам и черемисам, чтобы приобрести одно уже это убеждение. «Они слепо следуют влечению сердца, которое редко ведет их к злу, продолжает госпожа Фукс. Редко между ними бывают ссоры, еще реже вражды: но если уж они очень рассердятся, то такое удивительное у них мщение. Чувашин едет к своему приятелю, и чтобы навлечь на него беду, давится на его дворе; бедные. Они не знают другого мщения, как жертвовать своей жизнью, чтобы причинить беду врагу. Я уже тебе сказала, что беда, в их понятии, не что иное, как приезд суда на следствие. Чуваша не знает несчастья выше этого. Сохрани бог, говорят они, от этой беды, не только дом, ей подвергшийся, но и целая деревня страдает...»

Робость и суеверие, - отличительные качества чувашского народа: приезжайте в деревню, потребуйте чего угодно, чуваша, дрожа от страха, все готовы отдать. Когда у них печется хлеб, они беспрерывно заглядывают в печь и, если на каком-нибудь хлебе лопнет корка, тотчас выбрасывают его в овраг. Когда чуваш напьется воды из речки или колодца, и почувствует себя дурно, он тотчас берет денег, хлеба, яиц, и бросает туда. Путешественницу более всего удивляли необыкновенно легкие роды чувашек и сохраняемая после них сила: лишь только родят, они в ту же минуту идут сами топить баню, варят пиво и принимаются за все работы. После англичанок, чувашские дамы, как кажется, самые богатые бельем на земном шаре: за порядочную невесту дают по сту рубашек в виде trousslau. Как-скоро кончится молотьба, во всяком доме наростят солоду, наварят пива, испекут хлеба, и один день ничего не едят. В этот день бывает моление. Вся родня собирается к старшему в семействе. Приходит йомза (колдун) и назначает каждому одного бога, которому он должен молиться – кому главного бога (Тора), кому мать этого бога, кому его сына, лешего, дорожного, стадного, солнце или мать солнца. Тогда, отворив двери, все становятся лицом к ней, то есть к востоку (дома их всегда обращены на восток), и начинается моление. Наконец сыновья разрезают новый хлеб в мелкие куски, а жены и дочери подносят их старшим, кланяясь в пояс и приговаривая: «Просим Тору, чтобы вы были живы и здоровы, и чтобы он на будущий год опять привел молоть новый хлеб вместе». После того начинается пляска. Чуваша очень уважают бога житниц, Теркулю, которого храм обыкновенно бывает в каком-нибудь амбаре. В прошлом году священник одной деревни, рассердившись на суеверие своих прихожан, приказал продать

два амбара с Теркулями. Ломая амбары, русский крестьянин, который купил их, нашел в щелях и углах до пятнадцати рублей мелких денег, принесенных в жертву чувашами. «Даже и теперь, говорит путешественница, многие из чувашей, крещеных и некрещеных, приезжают к крестьянину и кладут деньги в углу его амбара, а недавно впустили туда курицу и утку». Древний обычай, столь полезный для антиквариев, зарывать в могилу вместе с умершим любимые его вещи, сохраняется у чувашей в первобытной простоте. Когда кто умрет в семействе, тело его тотчас выносят на двор, обмывают, наряжают в праздничное платье, кладут в гроб, и опять вносят в избу, где, потихоньку от священников, помещают возле мертвеца все, что нужно было для живого. Если покойник был ремесленник, то в гроб кладут его инструменты; умерших женщин и девиц снабжают всем нужным для рукоделья: полотном, шелком и иголками ту, которая хорошо вышивала, прялкою и куделью ту, которая славилась своей пряжей, и так далее; но всем вообще дают денег на мелкие расходы. От этого иногда случаются «забавные» происшествия. В одной богатой семье умер отец: его похоронили со всеми обрядами, и положили в гроб сто рублей денег. Мошенники, узнав, что с чувашиним положено в землю много денег, разрыли могилу, раскрыли гроб, вынули деньги и, посадив мертвеца в гробу, дали ему в одну руку карты, в другую штоф вина. Сделав это, они сказали детям, что их отец ведет в могиле развратную жизнь, играет в карты и мертвецки пьет вино. Чувашаи сбежались на кладбище, и в самом деле увидели покойника с картами и со штофом; денег у него уже не было ни копейки: ясно, что он проиграл и пропил весь свой капитал. Они его просили, увещевали оставить эту беспорядочную жизнь и вести себя прилично, вторично положили в гроб денег и закрыли могилу. Мошенники не пропустили случая воспользоваться их добродушием; снова разрыли могилу, взяли деньги, и уведомили родных, что покойник не перестает кутить и пьянствовать. Они были уверены, что чувашаи всякий раз будут снабжать его деньгами, но эти благонравные люди, пришедшие на кладбище, взяли отца, держащего в руках штофы и карты, положили его наземь и высекли плетью за развратное поведение после смерти. Наказав мертвеца в пример всем его товарищам, они уже без денег заколотили гроб и плотно зарыли могилу. С тех пор безденежный покойник вел себя честно и добропорядочно.

Йомза, или йомса – вместе колдун, жрец и лекарь. Кажется, что у чувашей есть особенный бог медицины, который покровительствует врачам, и которому молятся пациенты. Это – Ирих. Изображения его, вылитые из олова, имеют вид маленьких истуканов, величиною с вершок, с руками, ногами и глазами. Его вешают в клетях на рябиновой ветке, которую по прошествии девяти лет переменяют. Ириху приносят в жертву кисель и пресные лепешки, и молятся ему, когда болят глаза, зубы, уши, или когда бывает сырь и вереда. Ежедневная молитва чувашина выражает все его нужды и понятия о счастье: она проста, благородна и даже трогательна.

*"Тора. сирлах. Тора, он-брах. Сюлди Тора. Сирлах сирди Падша,
Ыволдан, хырдан. Тыреран, пылран, Тора бадыр. Исмяшкан, симяшкан, Сывлыхне, Тора
бадыр. Вылихран чирлихран Толых карда, Утба карда, Иняба каррда, Сорыхба карда,
Тора, бадыр. Кадаран киль жолдан высяся
Кияггана ярас, Тора, бадыр тудух. Шайтандан сирлах, Хуза ядер, Тора".*

*"Тора, помилуй. Тора, не оставь. Всевышний Тора. Спаси земного царя, Сыновей, дочерей,
Хлеба, меду, Тора, дай. Пить, есть. Здоровья, Тора, дай. Скотом здоровым Наполни
дворы. Лошадьми двор, Коровами двор, Овцами двор. Тора, дай. Странника, издалека
приходящего и уставшего от пути в дом пустить, Тора, дай всегда. От черта освободи,
выгнав его, о Тора".*

Нет сомнения, что для филологических соображений, древняя ежедневная молитва

чувашей-язычников несравненно лучший материал нежели переводы с русского и на чувашский, который господин фон-дер-Габеленц принял в основание своих разысканий и выводов; но мы боимся, что и эта подлинная молитва может повести к ложным заключениям. Нам кажется, что язык ее – не совсем чувашский, что это – старинная молитва какого-нибудь турецкого или, если угодно, татарского народа, от которого чувашаи заимствовали свою веру или, по крайней мере, религиозные обряды. Вся она, за исключением нескольких выражений, составлена из слов турецких, исковерканных чувашским произношением, которое обыкновенно джи превращает в ши или си, звр, увы, гвв, и так далее, и часто к гласным прибавляют лишнее в. Сирлах (помилуй) вместо джирлах, брах (оставь) вместо брак, сюдди (высокий, подзвездный) вместо джюлди или джюлдюз, сирди (земной) вместо джирди, падша (царь) вместо падшах, ьволдан (сыновей) вместо огулдан, хырдан (дочерей) вместо кыздан, бадыр (дай) вместо бер, исмяшкан (для питья, пить) вместо ичмякан, симяшкан (для еды, есть) вместо джимякян, толяях (наполни) вместо толудур или толдур, сорых (овца), ине (корова) и так далее, все это не что иное как исковерканные татарские слова, которых нельзя не узнать с первого взгляда, несмотря на уклонение чужеземного выговора и не совсем верную передачу русскими буквами. Примечательная форма двух деепричастий, исмяшкан, симяшкан (для питья, для еды) – коренные татарские и, как кажется, не свойственны чувашскому языку, а самая длинная фраза – «Странника, издалека приходящего и уставшего от пути в дом пустить, Тора дай» - эта фраза, которую мы сейчас повторим и по-чувашски и по-татарски, не только по словам и по фразам, но и словосочинению – татарская:

"Кадаран киль жолдан высяся кияггана ярас, Тора, бадыр".

"Кадаран кия, жлдан узаджа килегяни ярата, Тора, бер".

Буквально, в обоих случаях, это значит: *«Из поля приходя, из дороги далекомько пришедшего, спасти, Тора, дай».*

Нет сомнения, что во многом чувашский язык близок к турецкому: спряжения и склонения его как бы преобразованы по татарским правилам: но все же они в сущности не татарские и такого разительного сходства между двумя языками, как в этом примере, мы вовсе не видим в прочих текстах, приводимых путешественницею: там напротив, и слова, и формы, и словосочинение, довольно различны. Это обстоятельство и заставляет нас подозревать, что приводимая господином Фуксом ежедневная молитва: вероятно, перенесена в чувашский язык из служебника другого народа. Скандинавское название главного бога Тора, Тор, не должно удивлять никого, потому что, по преданиям самой Эдды, богопочитание Тора перешло к Норманнам от берегов Каспийского моря. Во всяком случае, этот доньне сохранившийся у чувашей след Торова богопочитания весьма замечателен... У черемисов, напротив, главный бог носит финское имя. Юма в дательном падеже Юмалан – также очень любопытное слово, потому что от него явственно происходит немецкое Nimm!

Собрание сочинений Сенковского, т. VI-1895 г.